

Вестник

Российского
гуманитарного
научного
фонда

2014

1 (74)

Г.Б.Сыченко, К.А.Сагалаев*

Фольклорная традиция у нивхов Амура и Сахалина

С 10 июля по 24 августа 2013 г. сотрудники сектора фольклора народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН провели экспедицию в места традиционного проживания нивхов — одного из малочисленных [1] народов Дальнего Востока.

Цель экспедиции состояла в сборе новых видео-, аудио- и фотоматериалов к тому «Фольклор нивхов» академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», а также в изучении современного состояния фольклорной традиции у амурских и сахалинских нивхов.

Хорошо представляя идущие повсеместно процессы угасания традиционного фольклора, участники экспедиции не слишком рассчитывали на «богатый улов». Данные переписи 2010 г. были также во многом неутешительны: лишь 183 нивха сообщили, что владеют родным языком. Это всего 3,9% от общего числа населения, считающего себя нивхами, причём ситуация у сахалинских нивхов немного лучше, чем у амурских (5,2 и 2,6% соответственно).

За полтора месяца в посёлках, разбросанных по берегам Амура и на Сахалине, участникам экспедиции удалось собрать довольно интересный и во многом уникальный материал.

Была проведена работа с 30 информантами 1925–1974 гг. рождения, которые (хотя и в разной степени), но владели нивхским языком (фото 1 и 2). Среди них доминировали женщины (26 человек), большинство информантов родились между 1938 и 1955 гг. (19 женщин и 3 мужчин в возрасте от 58 до 75 лет), т.е. в предвоенные, годы Великой Отечественной войны и первое десятилетие после войны.

Уровень образования современных информантов резко отличается от той картины, которая наблюдалась 20–25 лет назад. Так, из 30 человек лишь одна, наиболее пожилая исполнительница (1925 г.р.) оказалась неграмотной (но умеющей расписываться). Ещё одна пожилая женщина (1936 г.р.) закончила всего два класса школы. Половина информантов получила неполное или полное среднее образование, некоторые —

* **Сыченко Галина Борисовна** — кандидат искусствоведения, доцент кафедры этномузыкального Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М.И.Глинки, младший научный сотрудник Института филологии СО РАН, руководитель проекта «Полевое исследование фольклора нивхов» (13-04-18013е).

Сагалаев Константин Андреевич — младший научный сотрудник Института филологии СО РАН, исполнитель того же проекта.

Фото 1. Запись старейшего информанта Панаг Тэминой. Село Чля Николаевского района Хабаровского края. Здесь и далее фото К.А.Сагалаева

дополнительное образование в виде курсов (7–8 классов — 5 человек, 9–10 классов — 7 человек, ещё трое — курсы, либо незавершённые попытки получить среднее специальное образование). Почти столько же (13 человек) приобрели различные специальности в средних специальных (9 человек) и высших (трое закончили и один не закончил) учебных заведениях. Такая картина отражает общую ситуацию в СССР периода относительно стабильного развития с его курсом на всеобщее, в том числе профессиональное, образование и политику подготовки профессиональных кадров из числа представителей коренных народов.

Участникам экспедиции удалось записать довольно много сведений о традиционной культуре. Следует отметить также сохранность некоторых традиционных мифологических концептов. Общий объём записанного (и пока не полностью обработанного) материала составляет 21 час аудио- и 5 часов видеозаписей. Кроме того, было сделано более 650 фотоснимков.

Характер полученного материала типичен для современного состояния традиционной культуры многих малочисленных народов России. Это, в основном, устные рассказы-воспоминания о тех реалиях традиционной культуры, которые достаточно активно бытовали во времена детства, юности и молодости информантов.

Фото 2. Н.Я.Танзина в традиционном халате. Пос. Ноглики, Сахалин

Записанные рассказы можно сгруппировать в несколько устойчиво повторяющихся тематических блоков. Первый — и, возможно, наиболее значимый для самих информантов — традиционный похоронный обряд (о свадебном обряде были сообщены лишь отрывочные сведения, что, по-видимому, связано с его более скромной ролью в культуре). Как известно, у нивхов бытовало несколько способов захоронения, наиболее типичный — кремация [2]. Девять информантов сообщили о своих личных наблюдениях подобного обряда. Чаще всего это были обряды, проводившиеся для близких старших родственников: отца, родителей, бабушки, дедушки, дяди (брата отца).

Рассказы-воспоминания о традиционном способе погребения насыщены этнографическими подробностями и деталями. Практически все интервьюируемые упоминали о специальных способах погребения различных выделенных категорий покойников: детей, детей-близнецов (или одного из них), их матери, утопленников, самоубийц, чужаков. Информанты сообщали также о сохранении некоторых деталей традиционного похоронного обряда и при погребении по-новому, по-советски (обычай класть испорченную одежду и предметы быта вместе с покойным — в данном случае — в гроб, захоронение принадлежавшей ему собаки и т.п.).

Второй блок рассказов касается центрального элемента традиционной культуры нивхов — медвежьего праздника. Те или иные сведения о медвежьем празднике и культе медведя сообщили практически все информанты. Многие из опрошенных лично наблюдали его, поскольку медвежий праздник и на Амуре, и на Сахалине проводился повсеместно примерно до конца 60-х гг. (чаще всего назывались вторая половина 1940—1950-х — первая половина 1960-х гг.). С этого времени праздники проводились крайне редко. В воспоминаниях сохранились сведения о «последних» праздниках — в начале 1990-х гг. у улчей в Ульчском районе Хабаровского края («ничем не отличался от нивхского медвежьего праздника») и в 1986 г. в с. Венское (о. Сахалин), проводившихся уже в связи с процессом возрождения утраченных традиций. Чем было вызвано повсеместное прекращение проведения медвежьего праздника — не совсем ясно. О каком-то насильственном характере этого запрета косвенно свидетельствуют воспоминания сестёр Кайнак о том, что отец С.Г.Тэминой, бывший, вероятно, распорядителем праздника, в конце 1960-х гг. закопал все ритуальные принадлежности — цепи, на которых водили медведя, верёвки, которыми его привязывали, блюдо и ложки для ритуальной пищи — под каким-то пнём, поскольку «просто так выбросить было нельзя». Естественно, что в традиционной ситуации ритуальные предметы не уничтожались.

Рассказы о шаманах и их ритуальной деятельности составляют третий крупный тематический блок. В целом они имеют менее детализированный характер. Если медвежий праздник сохранился в памяти этнофоров как довольно целостное явление, то шаманский обряд представлен фрагментарно, помнится далеко не всеми информантами, а только теми, кто непосредственно сталкивался с шаманской практикой в силу каких-то конкретных причин. Судя по всему, шаманская традиция не афишировалась и была гораздо более закрыта даже для самих носителей культуры.

Довольно значительный массив сведений был собран о почитании различных локусов окружающей среды. Эти рассказы можно выделить в четвёртый тематический блок. Самое важное наблюдение, сделанное участниками экспедиции, — подобные анимистические представления обладают высокой степенью устойчивости. Более того, они продолжают оставаться актуальными для современных информантов, несмотря на высокий уровень их образования.

Современные этнофоры, а также их дети и внуки, продолжают почитать духов гор, рек, перевалов, озёр, моря. В основном это выражается в их «кормлении» — приношении жертвы в виде пищи, напитков, сигарет и т.п. В пос. Нижнее Пронге на Амурском лимане был полностью снят на видео обряд почитания духа местности — в данном случае

это была скала на берегу, которую местные жители называют просто Камень. То же обрядовое действие выполняется в отношении духов «плохих мест», куда человек может попасть случайно, непреднамеренно. Такие места следует избегать, но если уж кто-то оказался в подобном месте, где хозяйничают вредоносные существа — духи, оборотни, не похороненные надлежащим образом покойники и т.п., — то их следует покормить и как можно скорее покинуть это место. Возможно, рассказы о «плохих» местах и их обитателях в дальнейшем будет целесообразно выделить в самостоятельный тематический блок.

Помимо устных рассказов, относящихся к наиболее значимым реалиям традиционной нивхской культуры, экспедиция зафиксировала тексты, представляющие различные жанры фольклора. Из прозаических жанров отметим записанную в нескольких вариантах сказку про лягушку и мышшь (в других вариантах — крысу), миф (тылгур) о Нягр Ымык (Крысиной мамке), легенды о шаманских чудесах (например, о том, как шаманка камланием остановила пароход «Ильич»; другая шаманка могла достать проглоченную человеком иголку и т.д.). В некоторых случаях были записаны имена реальных шаманов, свидетелями камланий которых были наши информанты. Помнятся также имена известных в своё время сказителей. Мифологические рассказы содержат истории о встрече человека со сверхъестественными существами или явлениями, большинство из которых объединяются в понятие кинц (нечто сверхъестественное и недоброжелательное к человеку, по словам самих же информантов — «чёрт»).

Музыкальный фольклор представлен в первую очередь песнями, записанными на Нижнем Амуре. Из них выделим песню «По ягоды», исполняемую как минимум двумя людьми в форме диалога: девушка просится в лодку с людьми, едущими за ягодами — хоть за вёсла, хоть за руль, но ей всё время отказывают под разными предлогами. Ещё одна песня, судя по всему относящаяся к свадебному обряду, построена в вопросно-ответной форме с кумулятивной цепочкой внутри: «Кто там едет, кто там едет? Неужели наш жених? Давайте одеваться: <может, надеть [здесь перечисляются различные предметы одежды]? Нет>».

Кроме песен записано и снято на видео несколько вариантов наигрыша на пластинчатом варгане как от амурских, так и от сахалинских нивхов (фото 3), в том числе от старейшей из них П.Тэминой. Эта часть инструментальной традиции нивхов сохранилась относительно хорошо. Других инструментов в живом звучании наблюдать не довелось.

К современным формам бытования культуры и традиций следует отнести проведённое на рыбацкой стоянке неподалеку от пос. Ноглики празднование Дня аборигена. В данном случае основное место занимали спортивные

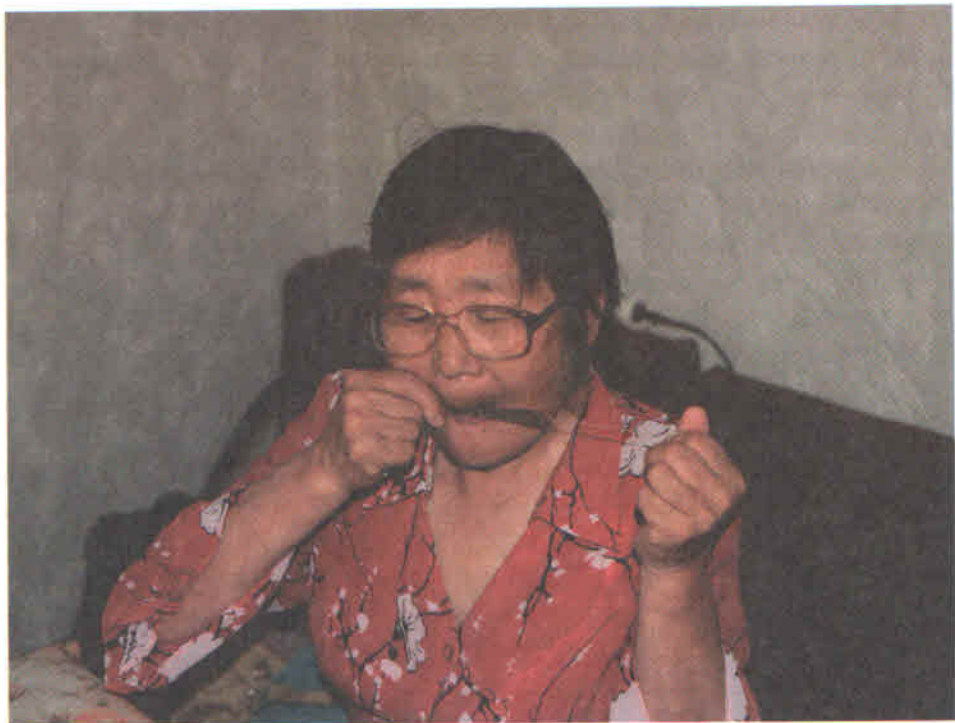

Фото 3. А.Я.Прокофьева (Ялина) играет на пластинчатом варгане. Г. Оха, Сахалин

соревнования, основанные на традиционных элементах. В празднике участвовали несколько команд, составленных из членов родовых хозяйств, в числе призов были электростанция, бензопила, ноутбук и т.д. Участники соревновались в прыжках через «нарты» (условная пластмассовая имитация), метании «копья» (древко с гвоздём) в «нерпу» (мешок с песком) с «лодки в море» (раскачивающиеся качели), метании тяжестей (мешок с песком) (фото 4 и 5). Отдельной дисциплиной были своеобразный «биатлон» (эстафета, где на первом этапе нужно было поставить капкан, а на втором — попасть из пневматического пистолета в пластиковую бутылку), а также гонки на вёсельных лодках по заливу (в качестве эстафетной палочки выступала сетка с рыбой). По сравнению с аналогичными праздниками, виденными нами у коряков, эвенков и якутов, отсутствуют состязания по борьбе, хотя в традиционной культуре нивхов она занимала важное место [1, с. 216]. Завершился праздник всеобщей трапезой, включавшей и национальные блюда — уху из лосося, мось (холодец из рыбьей кожи, ягоды и жира нерпы), юколу, икру.

В соответствии с планом работы экспедиции была проведена работа в фондах и экспозиции Сахалинского областного краеведческого музея

Фото 4. Прыжки через «нарты» во время праздника День аборигена. Окрестности с. Ноглики, Сахалин

Фото 5. Метание копья в «нерпу» во время праздника День аборигена. Окрестности с. Ноглики, Сахалин

(г. Южно-Сахалинск) и Охинского краеведческого музея (г. Оха). Были сняты предметы, иллюстрирующие как материальную, так и духовную культуру нивхов, в том числе культовые атрибуты (медвежьего праздника, шаманские, погребальные, фото 6 и 7), а также инвентарные описи к ним.

Фото 6. Ритуальная палочка для маркирования «коридора», по которому вели медведя. Музей г. Охи

Фото 7. Шаманский пояс с металлическими подвесками. Музей г. Оха

В Охинском краеведческом музее состоялась Школа полевой фольклористики, в которой приняли участие члены экспедиции и сотрудники Охинской районной библиотеки. В ходе семинара были продемонстрированы видеозаписи шаманских обрядов агинских бурят, медвежьего праздника казымских хантов, погребального обряда и ритуального употребления мухоморов коряками; обсуждены актуальные вопросы видео- и аудиофиксации этих и подобных обрядов с использованием современной цифровой техники и с учётом нынешнего состояния культурной традиции данных народов (фото 8).

Фото 8. А.Г.Гомбожапов показывает этнографические фильмы во время Школы полевой фольклористики в библиотеке г. Охи

В с. Некрасовка состоялись встречи с активистами охинской местной общественной организации «Центр по сохранению и развитию традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера «Кыхкых» («Лебедь»)» [3]. По мнению его руководителя Ф.С.Мыгуна, наступление современной цивилизации представляет большую угрозу существованию нивхского этноса и его традиционной культуры.

Подводя итоги работы экспедиционного отряда, приходится с сожалением констатировать, что уход центральных для культуры и мировоззрения феноменов из сферы активного бытования приводит к неизбежному угасанию и забвению фольклорных текстов. В настоящее время фольклор всё

чаще принимает форму воспоминаний (меморатов), хотя и не являющихся устойчиво бытующими текстами, но в то же время несущих в себе ценную этнографическую и фольклористическую информацию, отражающих современное состояние фольклора данного этноса и его традиционной культуры.

Однако люди старшего поколения, помнящие традиционный фольклор, ещё встречаются как на Амуре, так и на Сахалине. У носителей традиции и более молодого поколения, озабоченных судьбой своего этноса, есть понимание того, что сейчас крайне необходима фиксация этих последних свидетельств традиционного мировоззрения. В среде нивхов обсуждаются также идеи о возрождении медвежьего праздника, что, как показали экспедиционные наблюдения, пока возможно.

В свете вышеизложенного дальнейшие экспедиционные исследования продолжают оставаться актуальным направлением деятельности фольклористов. Кроме того, фольклористы могли бы оказывать практическую консультативную помощь в деле реконструкции феноменов традиционной культуры.

Примечания

1. По данным переписи 2010 г. численность нивхов составляла 4652 чел., см. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
2. См.: Народы Северо-Востока Сибири. Айны. Алеуты. Ительмены. Камчадалы. Кереки. Коряки. Нивхи. Чуванцы. Чукчи. Эскимосы. Юкагиры / Отв. ред. Е.П.Батьянова, В.А.Тураев. М.: Наука, 2010.
3. См.: <http://www.kykhkykh.org/598>.